

др.), и особенно в монументальном, трехтомном труде о Тридцатилетней войне («Великая война в Германии») научная точность, убедительность концепции сочетаются с одухотворенным художническим проникновением во внутренний мир эпохи и ее людей.

Своеобразие пути, которым шла Р. Хух, вызывало у иных критиков соблазн объявить ее обособленной одиночкой; ее обращение к истории расценивалось как уход от действительности и острых социальных проблем. Стоит ли говорить, что современность подлинного искусства определяется отнюдь не материалом, которым оно пользуется. Для тех, кто в годы фашизма перечитывал страницы из «Великой войны», рассказывавшие о процессах ведьм, об оргии доносов, пыток, лжесвидетельств, о страданиях народа, они звучали, пожалуй, даже более злободневно, чем в те годы, когда писались. Суть дела — в том гуманистическом пафосе, который одухотворял все творчество писательницы и который делал ее противником мракобесия и человеконенавистничества, в какой бы форме и в какие бы времена они ни проявлялись.

Сказанное полностью относится и к новеллам Р. Хух.

Действие их перенесено в прошлое Германии (XVI—XVIII века), и почти все сюжеты посвящены, в сущности, одной теме: столкновению догматической нетерпимости, идиотических предрассудков с миром добрых, живых, естественных человеческих чувств и представлений.

Со свойственной ей умной и тонкой иронией пишет Р. Хух о бездарном художнике Либориусе, который из зависти к своему талантливому собрату объясняет его способность оживлять на полотне любые предметы помощью нечистого («Дьявольские козни»), о невежественных горожанах, которые во главе со священником устраивают комично-серьезный суд над петухом, якобы несущим яйца («Квакенбрюкский петух»), и других. Противопоставлены им, в общем-то, обычные люди, наделенные лишь здравым человеческим смыслом, отзывчивым сердцем, а также хитростью и изобретательностью, порой особенно нужными, чтобы защитить себя и своих близких. Лукавый, подчас по-своему интеллектуальный хитрец — излюбленный персонаж Р. Хух. (В этом смысле характерен опубликованный в 1905 году рассказ «Могила еврея».)

Понятно, что человек, писавший такие рассказы, не мог принять гитлеризм. Престарелая писательница оставалась все эти годы в Германии, и нацистам очень хотелось использовать в своих целях ее имя: знаменитое и уважаемое в стране, оно для многих отождествлялось с представлением о немецком патриотизме. Однако Р. Хух сразу же и недвусмысленно отвергла настойчивые попытки «нового режима» привлечь ее на свою сторону. В марте 1933 года она заявила о своем выходе из Академии искусств и на уговоры сотрудничать с правительством, являющимся «носителем

национального подъема», ответила: «То, что нынешнее правительство предписывает в качестве национального образа мыслей, — это не моя Германия». На открытые репрессии против Хух нацисты не решились, однако они всячески травили ее.

В сборнике напечатана новелла, завершенная писательницей в 1940 году и увидевшая свет лишь в 1947-м — «Сомнительный предок». Соперники кандидата в бургомистры Хензихена пускают слух о его сомнительном происхождении: возможно, его дед был пастухом. Здравомыслящие люди пытаются заметить, что от этого Хензихен не стал ни лучше, ни хуже; но вокруг «позорного пятна» уже поднята свистопляска. Предубеждение растет и ширится; добровольные энтузиасты берутся проверить родословные всех граждан города и изгнать из него не только явных потомков пастухов, но и всех, кто носит чужеземные и вообще непривычные фамилии. Лишь изобретательность одного из друзей Хензихена отводит угрозу... Аналогии, как видим, предельно прозрачные. Техника создания и распространения массового психоза, подавляющего голоса разума, показана психологически убедительно и остроумно.

Первую новеллу сборника отделяет от последней ровно пятьдесят лет. Сюжеты из давней истории, воспринятые в одном случае как тревожное предостережение, в другом звучат злободневным намеком. На деле же писательница просто всегда оставалась верна себе. Утверждение идей гуманизма, защита разума и человеческого достоинства всегда составляли основное содержание ее работы, к каким бы жанрам и темам она ни обращалась. В этом смысле маленький сборник новелл дает возможность — пусть пока и не слишком обширную — познакомиться с существенными чертами творчества Рикарды Хух.

М. ХАРИТОНОВ

В ТРУДНОМ ПУТИ

Акутагава Рюноске. Избранное в 2-х томах. Перевод с японского. Составители В. Гривнин и А. Стругацкий. Предисловие и комментарий Н. Фельдман. Москва, «Художественная литература», 1971.

ворческая жизнь Акутагава Рюноске была недолгой. Со времени литературного дебюта (1916) до трагической гибели писателя прошло всего одиннадцать лет. Но за этот короткий промежуток он успел снискать прижизненную славу и обеспечить себе место классика новой японской литературы. Известность Акутага-

СРЕДИ КНИГ

ва шагнула далеко за пределы Японии: его знают в Англии, США, Франции, Италии и других странах мира. Русская читательская аудитория познакомилась с Акутагава еще в 20-е годы. На протяжении минувших десятилетий его произведения не раз выходили в нашей стране. В нынешнее издание включены как вновь переведенные, так и уже хорошо известные у нас вещи: «Ворота Расёмон», «Лошадиные ноги», «В чаше», «Жизнь идиота». В настоящее время Акутагава представлен на русском языке значительно полнее, чем многие другие японские писатели.

Творчество Акутагава выделяется на фоне современной ему японской литературы. Подлинно национальный писатель, он ощущал биение сердца своего народа, тяжесть неразрешимых проблем отдавалась скорбью в его собственной душе, но Акутагава Рюноске оказался в стороне от той японской художественной интеллигенции, которая выступила в русле пролетарского литературного течения 20—30-х годов. По замечанию автора предисловия Н. И. Фельдман, Акутагава «владеет тоска по не существующей в действительности нравственной чистоте и высоким и цельным чувствам». И Акутагава находит идеалы добра и любви вне окружающей его жизни. Отсюда частое обращение к легендам о японских христианах — фанатиках веры, разработка полумифических сюжетов прошлого.

Непревзойденный мастер острой ситуации, он использует свое мастерство для того, чтобы заглянуть в самую душу человека, обнажить сокровенное, невидимое в повседневности чужим глазам. «Самое драгоценное в жизни человека — это неповторимое, мгновенное движение души. Оно подобно лучу еще не взшедшей луны, выхватывающему из мрака пенящую волну, всколыхнувшую океан страстей, которые живут в душе» («Смерть христианина»). Как бы разнообразны ни были формы его фантастических и квазиисторических новелл, он неизменно фиксирует внимание на «движении души». И сама фантазия Акутагава имеет пределы: условия места и времени, в которых протекает действие, чаще всего — Япония. Конкретная, осязаемая страна со своим колоритом и ароматом. Япония прошлого или настоящего, но всегда с приметами времени, с чисто национальными особенностями.

В тех случаях, когда Акутагава обращается к реальной жизни, его привлекает отзвук действительности в душе человека. Это может быть эмоциональный импульс, полученный от общения с истинным искусством: «За небольшой картиной маслом я разглядел несчастного ее художника, который стремился возможно острее показать самую суть природы. Эта желтая болотная растительность внушала мне такое же трагическое, такое же глубокое, рождающее восторг чувство, какое внушает всякое выдающееся творение искусства» («Трясина»). Иногда — это непотускневшее воспоминание о событии, почему-либо поразившем воображение автора. Такое событие происходит

в рассказе «Мандарины». Случайная попутчица автора, деревенская девочка-подросток, «уезжавшая, вероятно, на заработки, бросила из окна припрятанные за пазухой мандарины, чтобы отблагодарить братьев, которые вышли на переезд проводить ее». Мальчуганы, «заверещавшие, как птицы», золотая россыпь мандаринов, облик девочки — все это переполнило автора «непонятым светлым чувством». И ему «удалось хоть на время забыть о своей невыразимой усталости и тоске и о непонятной, низменной, скучной человеческой жизни».

Жизнь скучна, тосклива, ее озаряют лишь редкие мгновенья, но с течением времени, однако, обыденность все больше занимает Акутагава. Поворот к эгобеллетристике и бытописательству он делает лишь в свои последние годы, но тенденция возникает значительно раньше. В рассказе «О себе в те годы» (1919) мы читаем: «Все, что вы прочтаете ниже, может быть, и нельзя отнести к жанру рассказа. Да я вообще затрудняюсь ответить на вопрос, к какому жанру это можно было бы отнести. Я просто попытался правдиво и по возможности без предубеждения рассказать о некоторых событиях, случившихся несколько лет тому назад. Боюсь, это может показаться скучным тем читателям, которые не питают интереса к моей жизни, жизни моих друзей и веяниям того времени».

Акутагава так и не нашел в жизни желанного нравственного идеала. Им почти безраздельно владеет тоска. Весьма характерен для душевного настроения автора поэтический рассказ о заблудившемся и на смерть перепуганном мальчугане. Много лет спустя, став взрослым, скучным человеком, Рёхэй «сидит в редакции одного журнала и читает корректуры. Но случается иногда, что, хоть и совершенно беспричинно, он вспоминает себя, каким он был в тот день. Совершенно беспричинно. Перед ним, усталым от житейских забот, и теперь, как тогда, тянется узкой лентой извилистая, с рощами, с подъемами и спусками, полутемная дорога» («Вагонетка»).

«Полутемная дорога» лежала и перед самим Акутагава. Она привела писателя к душевной болезни и творческому распаду.

Двухтомник дает достаточно полное представление о незаурядном даровании Акутагава, его трудном пути.

В издании принял участие целый коллектив советских японоведов. Их нелегкий труд увенчался успехом. С редкой тщательностью и мастерством выполнены составительство, предисловие, комментарии, переводы двухтомника. Следует отметить особо переводческий талант В. Н. Марковой и И. Л. Львовой. Вызывают досаду, однако, довольно многочисленные опечатки.

Наши знания о многоликой стране, ее литературе умножились. На страницах «Избранного» Акутагава Рюноске вновь состоялась встреча с Японией — Японией одного из талантливейших ее сыновей.

Л. ГРОМКОВСКАЯ